

БОРЬБА ЗА МИР: АКТУАЛЬНОСТЬ ДЛЯ РОССИИ

Чрезвычайно высокие темпы распада вчерашних геополитических конструкций и острота столкновения интересов в формировании системы обеспечения глобальной безопасности вновь и вновь порождают дискуссии о том, куда движется мир – к миру или к войне? На ставшие вдруг остро актуальными вопросы далеко не всегда успевают отвечать как политики, так и признанные эксперты-аналитики, в том числе из сфер общественников-миротворцев. Попробуем выделить некоторые темы, сегодня принимающие, на наш взгляд, наиболее острый, претендующий на безотлагательный, характер.

I.

Одна из важнейших проблем для всего спектра деятельности по утверждению мира – проблема использования насилия как средства. Следует ли признать, что в определенных условиях достичь мира невозможно без применения вооруженного насилия? Этот вопрос напрямую связан с возникновением таких явлений и процессов, как «арабская весна» начала 2010-х гг. на Ближнем Востоке, и таких организаций, структур и движений, как ИГИЛ или Даиш (в арабской транскрипции). Из пяти постоянных членов СБ ООН четверо пошли на применение военной силы против Даиш, а пятый – Китай – сдержанно, но весьма настороженно следит за событиями на Ближнем Востоке, в Северной Африке и Южной Азии. Хорошо известно, что Даиш в целом, несмотря на противодействие ему, преуспевает в создании, развитии и активном продвижении своих религиозно-идеологических мифологем для массового потребления. Само появление ИГИЛ на международной арене наглядно засвидетельствовало тот печальный факт, что межправительственные организации, включая ООН, и вся система межгосударственных отношений, так или иначе связанная с обеспечением безопасности, пасуют перед международным терроризмом, решительная борьба с которым была провозглашена США еще в 2001 г.

Получается, что международное сообщество признало необходимость контрнасилия в системе международных отношений. Использование военной силы против Даиш в целом рассматривается государственными деятелями и политиками почти всех стран мира как естественная потребность, диктуемая совокупностью антитеррористических целей и конъюнктурных соображений. Принципиальное отрицание насилия, конечно, остается стратегическим лозунгом пацифизма. Но допустимо ли его считать этот лозунг осуществимым в любую эпоху и в любых, например, в наших нынешних условиях?

Явная угроза миру связана с идеологией и ужасающей практикой негосударственного терроризма, обернутой в религиозно-идеологическую оболочку радикального исламизма. Но кто может гарантировать, что она не выйдет за его пределы, а дальнейшее развитие не породит новые нескончаемые войны с новыми квазигосударствами? Способны ли нынешние

легальные субъекты международных отношений оградить своих граждан от злодеяний терроризма, а сторонники пацифизма – предложить альтернативные вооруженному насилию способы противостояния идеологии террористического насилия?

Следующий вопрос – насколько исключительно мирным путем устранимы угрозы возникновения очагов вооруженного насилия, доставшиеся человечеству в наследство от биполярного мира? Это, прежде всего, опасность спонтанного применения или утечек ядерного оружия вследствие сбоя в режиме его нераспространения. За долгие десятилетия «холодной войны» движение за мир накопили масштабный опыт общественного противостояния ядерной угрозе. В определенной мере оно сохраняет свои позиции, по-прежнему являясь значимым фактором гражданского влияния на политику государств, пусть даже временами все еще относительно слабого. В качестве примера можно отметить масштабы волн антиядерных протестов, организуемых неправительственными силами и регулярно прокатывающихся по всему миру, предложения пацифистских НПО, касающиеся создания глобальной антиядерной сети, и т. д. Следует отметить, что в Европе эти движения и кампании постепенно получают все более массовую общественную поддержку. Однако они активны и в России, в том числе в результате применения новых форм и методов выступлений за мир.

В современных условиях, когда ограничители, унаследованные от биполярного мира, больше не работают либо функционируют недостаточно эффективно, а ядерная пятерка постоянных членов СБ ООН окружена новыми обладателями оружия массового уничтожения (ОМУ), угроза применения ядерного оружия, конечно, возрастает. Она зависит не только от возможных казусов проявления политической безответственности государственной власти «сверху», но и от живых щупальцев глобального терроризма, наступающего «снизу». К тому же очевидное похолодание международного климата отнюдь не способствует укреплению здорового антимилитаризма и основ мирного развития. Попытки рецидивов «холодной войны» и новые технологии вкупе с видимыми и невидимыми сетями подкормки терроризма чреватые непредсказуемыми вспышками дестабилизации и насилия.

Наконец, есть резон обратиться к проблеме, порождаемой коллизиями международного права. Речь, прежде всего, идет о конфликтах, возникающих в случае реализации права народов на самоопределение при сопротивлении государств, теряющих территориальную целостность. С момента рождения ООН тенденция дробления государств уверенно побеждает. С 1945 г. число государств–членов ООН выросло почти в четыре раза. Хотя в основном этот процесс стал результатом антиколониальной борьбы, только с 1991 г. их численность увеличилась еще более чем на 17%. Существует целый ряд новых претендентов на государственную независимость. Не следует питать иллюзий – этот процесс будет продолжаться.

II.

Под обозначенным углом зрения специфического внимания заслуживают российские реалии. Россия очутилась в своеобразной точке бифуркации собственного и общемирового развития. Она вынуждена искать новую модель сосуществования в окружении постсоветских государств на пространстве СНГ и в целом в глобальном мире. Ее отношения с Западом проходят через этап весьма серьезного обострения. Страна может оказаться зажатой между евро-атлантическим пространством и цивилизационно неустранимой в обозримой перспективе китайской стеной, за которой задача компромиссного согласования приоритетных интересов может натолкнуться, на не меньшие преграды, чем на западном направлении. Наконец, что особенно важно, в России, экономика которой по-прежнему находится в кризисном состоянии, пока не сложилась собственная общенациональная модель внутреннего развития, одобряемая и принимаемая всеми слоями общества.

Конечно, предложенный Президентом РФ В.В.Путиным в качестве национальной идеологии патриотизм, который толкуется в «Словаре русского языка» С.Ожегова как преданность и любовь к своему отечеству, к своему народу, только и мог бы хотя бы на время свести к единому знаменателю обострившиеся противоречия. Понятно, что в том положении, в котором оказалась Россия, все патриоты России, по всей видимости, должны ощущать, насколько серьезны существующие и формирующиеся угрозы и вызовы для страны и насколько важно защитить ее главный интерес – предотвращение новых потрясений.

Как представляется, граждане России (вероятнее всего, их подавляющее большинство) на воображаемом референдуме однозначно выскажутся за мир. Феномен «Бессмертный полк» стал в этом плане беспрецедентным по яркости общенародным подтверждением наличия такого императива. Вся Россия хорошо помнит, какими жертвами в Великой Отечественной войне досталась победа над фашизмом; отсюда и естественный характер той рожденной народом вспышки антивоенного энтузиазма, которую зафиксировали выступления полка.

Другим, близким примером глубинной жизнеспособности пацифистских ценностей стало народное восприятие *мирного* воссоединения Крыма. С полной определенностью можно утверждать, что возвращение Крыма в состав российского государства с энтузиазмом воспринялось населением полуострова, стало восстановлением исторической справедливости. Российская общественность напряженно следит за развитием событий на Украине и вокруг нее с позиций предпочтения восстановления мира как в Донбассе, так и в отношениях со своим кровным соседом – Украиной. Взвешенная позиция российского руководства в вопросе о признании независимости ЛНР и ДНР, на наш взгляд, вызвала явный вздох облегчения, связанный с возможными перспективами дальнейшего развития украинского кризиса.

Главным и перспективным направлением эволюции современного российского курса на мирное разрешение конфликтов должно стать его превращение в социальный и политический стержень системы

государственного управления, способный обеспечить стране гармоничное развитие в условиях существующих реалий. Важно не ослаблять усилия в деле решения прагматических задач по снижению уровня дефицита безопасности в самом широком смысле этого понятия.

III.

Мир как состояние международных отношений, в котором вооруженное насилие сведено к минимуму, – сложная конструкция, паутина связующих сдержек и противовесов и тяжелая работа по поддержке и развитию порой весьма хрупкого и неустойчивого баланса сил и интересов, причем для каждого государства не только на международном, но и на внутреннем поле. В последнее время во внешнеполитической сфере многие аналитики отмечают симптомы поворота России к прагматизму в выстраивании политики и имиджа миролюбия внешнеполитического курса. Это касается и сирийской проблемы, и зачатков поворота России к Азиатско-Тихоокеанскому региону, и стремления наладить дипломатический диалог с Европейским Союзом (ЕС), и признаков реализма в оценке ситуации на постсоветском пространстве. Правда, такая тональность не всегда в достаточной мере убедительно коррелирует с информационно-пропагандистской кампанией в некоторых СМИ и особенно на ТВ. Иной раз в СМИ отмечаются перебор примитивного антиамериканизма, бряцание оружием и едва сдерживаемая удовлетворенность в связи с миграционным кризисом в Европе и нарушением внутреннего единства ЕС.

Пропагандистские страсти нередко не позволяют увидеть и трезво оценить реалии, скрываемые кажущейся очевидностью происходящего. Так, истерические крики политиков прибалтийских стран о нависшей угрозе «российской оккупации» и поспешное направление НАТО в этот регион американских батальонов могут серьезно восприниматься как «защитные меры» против «российской агрессии» разве что специально разогретым маргинальным сознанием. С введением антироссийских санкций для прибалтов стал ценен каждый доллар, падающий на их территорию.

Россия действительно ныне с трудом вписывается в глобализирующийся мир. Характерно, что некоторые ее мыслители в поисках защиты от внешнего давления доходят до излишних риторических жесткостей. Одни предлагают, в частности, смотреть на внешний мир «через прицел» (А.Проханов), другие утверждают, что христианство и пацифизм – вещи чуть ли не противоположные (протоиерей В.Чаплин). Некоторые приверженцы силовой аргументации рассматривают отечественных «интеллектуальных пролетариев» как среду накопления экстремистского потенциала, угрожающего безопасности России, и требуют от руководства экстраординарных мер контроля над ситуацией (К.Сивков).

Перспективы реального развития России зависят не столько от внешнего мира, сколько от внутривнутриполитического и экономического положения с его задержками в преодолении стагнации, хотя при этом, конечно, важно взять под контроль тенденции в развитии постсоветского пространства. Кризис в Украине продолжается, неурегулированные конфликты в Нагорном Карабахе и

Приднестровье находятся на стадии, не исключаяющей опасности размораживания. Нельзя в этой связи не упомянуть и о сохраняющих вероятность перспективах негативных процессов в Центральной Азии.

К важнейшим из внутренних трудностей следует отнести, во-первых, немыслимый уровень социального расслоения общества в России, являющийся препятствием для нормализации экономического и национального развития; во-вторых, все еще недостаточную эффективность управленческих структур, требующих капитального ремонта на всех уровнях, включая федеративное устройство, противостояние экстремистскому национализму и предотвращение межэтнического и межрелигиозного отчуждения; в-третьих, ослабление основ мирного развития на бывшем пространстве СНГ, требующее от России специальных усилий и особой ответственности в качестве главного гаранта обеспечения безопасности как бывших, так и нынешних его членов.

IV.

Конечно, задачи, стоящие перед российским государством и обществом в означенных областях, грандиозны. Однако в деле утверждения мира и укрепления собственной и международной стабильности для нашей страны вполне достижимы весомые результаты и без превращения ее, на что кое-кто претендует, в некий обновленный Третий Рим. Российская общественность вполне способна и без подобных экстравагантностей в рамках методологии «мягкой силы» стать действительным актором всемирного движения за мир и права человека. Более того, представляется, что пока России легче использовать сочетание политического консерватизма с минимизацией вооруженного насилия как инструмент защиты собственных интересов во внешней политике, чем преодолеть деструктивные внутренние перекосы в развитии.